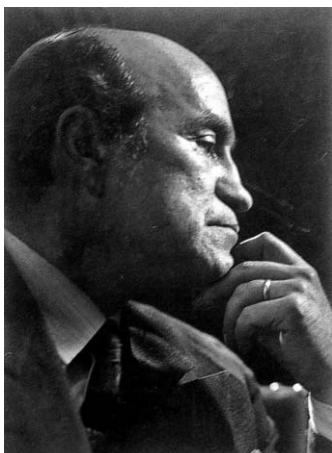

ЭСЕКИЭЛЬ МАРТИНЕС ЭСТРАДА

Рентгенограмма пампы

Фрагменты книги

Перевод и вступление АНАСТАСИИ ГЛАДОЩУК

“Рентгенограмма пампы” (1933) — одна из первых в истории новосветной литературы книг, в центре которой стоит проблема одиночества как удела человека Латинской Америки (вспомним хотя бы “Лабиринт одиночества” мексиканца О. Паса, “Сто лет одиночества” колумбийца Г. Гарсиа Маркеса и его же нобелевскую речь “Одиночество Латинской Америки”). В аргентинском контексте метонимическая взаимосвязь двух значений слова “soledad” — “одиночество” как состояние души и “одиночество” как характеристика пространства (“пустынная, необитаемая земля”) — становится особенно очевидна. Знаменательно, что слово “gaucho”, по одной из версий, происходит от “guascho”, восходящее к “wacha/wachu” на языке индейцев кечуа, что значит “сирота, брошенный человек”, или, говоря словами героя романа Р. Гуиральдеса “Дон Сегундо Сомбра” (1926) Фабио Касе-

© EZEQUIEL MARTÍNEZ ESTRADA

© Editorial Losada, S. A. Buenos Aires, 1953

© АНАСТАСИЯ ГЛАДОЩУК. Перевод, вступление, 2021

I. R. Güiraldes. Don Segundo Sombra: prosas y poemas. — Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1983. — P. 291.

реса: “сын Божий, сын равнины, сын себя самого”¹. Надо думать, не случайно равнина — так переводится с кечуа слово “пампа” — занимает в этой триаде срединное положение.

Традиция осмысления пампы как необоримой силы, сформировавшей характер аргентинцев, восходит к Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888) — истинному первотворцу национальной культуры, человеку много-талантливому и многоликому: общественный и государственный деятель (в 1868—1874 гг. — президент страны), военный, дипломат, педагог, Сармьенто прославился как автор идейно мощной, синкретической в жанровом отношении книги “Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги. Физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики” (1845). Вынесенная в заглавие формула — “цивилизация и варварство” — не изобретение Сармьенто¹. Оригинальна сама “сюжетная”, “романная” ее реализация: история торжества аргентинского варварства, рассказанная как биография легендарного гаучо Хуана Факундо Кироги, вероломно убитого по приказу диктатора Хуана Мануэля Росаса, чьим поверенным он был. Нельзя сказать, чтобы варварство воспринималось Сармьенто как однозначное зло: безобразное в Росасе, в лице Факундо и других гаучо оно вызывает у него неподдельное восхищение². Так же неоднозначна пампа — источник варварства и поэзии: “И вот теперь я хочу задать вопрос: что пробуждается в душе жителя Аргентинской Республики, когда он обращает свой взор к горизонту и видит... и ничего не видит, ибо чем дальше всматривается он вдаль, углубляясь в созерцание неясных, бескрайних, подернутых дымкой просторов, тем более далеким кажется ему горизонт, тем больше он завораживает и приводит в замешательство, повергает в сомнение. Где пределы этого мира, который напрасно пытается постичь аргентинец? Этого он не знает! Что находится там, дальше, за горизонтом? Одиночество, опасность, дикари, смерть! И это уже поэзия! Человек, действующий на подобной необъятной сцене, чувствует приступы страха, его одолевают неясные фантастические видения и грезы, не дающие ему покоя и днем”³. Именно эти страхи и фантазии, порожденные пампой, становятся предметом пристального анализа Эсекиэля Мартинеса Эстрады (1895—1964) — “вольного стрелка” аргентинской словесности, завербовавшегося, как он сам говорил, в ряды “варваров” под водительством Сармьенто⁴. Непонятый современниками, Эстрада писал

1. Словосочетание встречалось уже в сочинениях Александра фон Гумбольдта и других европейцев, путешествовавших по Ла-Плате, у Фенимора Кулера, в трактатах по политической экономике (R. Yahni. Introducción // D. F. Sarmiento. Facundo. — Madrid: Cátedra, 2011. — P. 14).

2. При том что в 1862 г., во время кампании, которую он возглавлял в качестве военного министра, Сармьенто будет писать президенту Б. Митре: “Не старайтесь сберечь кровь гаучо. Это удобрение нужно сделать полезным для страны. Кровь — единственное, что есть в них человеческого”. (Цит. по: Д. Ф. Сармьенто. Избранные сочинения. — М.: Издательство “Наследие”, 1995. — С. 480. Перевод В. Б. Земскова).

3. Д. Ф. Сармьенто. Там же. С. 33—34. Перевод Н. Земсковой.

4. E. Martínez Estrada. Para una revisión de las letras argentinas (Prolegómenos). — Buenos Aires: Editorial Losada, 1967. — P. 165.

в 1945 году Виктории Окампо: “Я хотел бы, чтобы одиночество стало для меня молитвою и саваном”¹.

Самоучка, как и Сармьенто, Мартинес Эстрада тридцать лет проработал на почте в Буэнос-Айресе, успевая параллельно преподавать литературу в школе при университете города Ла-Платы (одним из его учеников оказался Эрнесто Сабата), а также безостановочно читать и писать — каждый день, начиная с четырех-пяти утра, а затем в поезде, отнимая часы у сна. Начав свой путь в литературе как поэт², Мартинес Эстрада пишет “Рентгенограмму пампы” — свою первую и, как станет ясно впоследствии, главную, парадигматическую для всего его творчества³ книгу в прозе — под влиянием событий 6 сентября 1930 года, когда впервые в конституционной истории страны в результате военного переворота генерала Урибуру было свергнуто законное правительство. Именно тогда Эстрада нашел ключ к интерпретации великой книги Сармьенто, которую он в ту пору, по случаю приближающегося юбилея писателя, перечитывал, и ему открылось, что Аргентина поработана своим прошлым, реальность эпохи Факундо не изжита, силы хаоса не иссякли, культура и порядок — лишь видимость. Не разделяя веры Сармьенто в прогресс, Мартинес Эстрада пишет “Апокалипсис”⁴ родины, обнаруживая взаимообусловленность — тождественность — варварства и цивилизации. Заявленный в заглавии метод “рентгенографии” — исторической (по примеру О. Шпенглера и П. Груссакса), социологической (Г. Зиммель) и психоаналитической (З. Фрейд) — позволил Эстраде выявить “инварианты” исторического процесса в Аргентине с того момента, как конкистадоры ступили на ее земли: “Трапаланда”, “Одиночество”, “Теллурические силы”, “Буэнос-Айрес”, “Страх”, “Псевдоструктуры”. Таковы заглавия шести частей книги, из которой мы выбрали фрагменты, в наибольшей мере отвечающие ее первоначальному названию и замыслу — “Дороги Трапаланды”.

1. E. Martínez Estrada. Leer y escribir. — México: Editorial Joaquín Mortiz, 1969. — P. 120.

2. В предисловии к “Антологии аргентинской поэзии” (1941) Х. Л. Борхес назвал Э. Мартинеса Эстраду лучшим современным поэтом.

3. От “Рентгенограммы пампы” протягиваются нити к книге “Голова Голиафа” (1940), целиком посвященной Буэнос-Айресу, “Смерть и преобразование Мартина Фьерро: Попытка истолкования аргентинской жизни” (1948) и др.

4. E. Martínez Estrada. Antología. — México: Fondo de Cultura Económica, 1964. — P. 13.